

ДОСТОЕВСКИЙ

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Составитель Н. Н. Наседкин

Москва
Алгоритм

Око
2008

Достоевским (оставшимся служить в *Семипалатинске*) близкие отношения, после смерти мужа увлеклась Вергуновым. До Достоевского дошли слухи об этом, да и сама Мария Дмитриевна в письмах была довольно откровенна. В начале июня 1856 г. Достоевский, рискуя (имел «вид» только до Барнаула), приехал на два дня в Кузнецк и, казалось бы, все уладил, но вскоре кошмар ревности наччался вновь. Подробности можно найти в письме от 14 июля 1856 г. к главному конфиденту тех лет — *A. E. Врангелю*: «Я увидел ее! Что за благородная, что за ангельская душа! Она плакала, целовала мои руки, но она любит другого. Я там провел два дня. В эти два дня она вспомнила прошлое, и ее сердце опять обратилось ко мне. Прав я или нет, не знаю, говоря так! Но она мне сказала: «Не плачь, не грусти, не все еще решено; ты и я и более никто!» Это слова ее положительно. Я провел не знаю какие два дня, это было блаженство и мученье нестерпимые! К концу второго дня я уехал с полной надеждой. Но вполне вероятная вещь, что отсутствующие всегда виноваты. Так и случилось! Письмо за письмом, и опять я вижу, что она тоскует, плачет и опять любит его более меня! Я не скажу, бог с ней! Я не знаю еще, что будет со мной без нее. Я пропал, но и она тоже. Можете ли Вы себе представить, бесценный и последний друг мой, что она делает и на что решается, с ее необыкновенным, безграничным здравым смыслом! Ей 29 лет; она образованная, умница, видевшая свет, знающая людей, страдавшая, мучившаяся, больная от последних лет ее жизни в Сибири, ищущая счастья, самовольная, сильная, она готова выйти замуж *теперь* за юношу 24 лет, сибиряка, ничего не выдавшего, ничего не знающего, чуть-чуть образованного, начинающего первую мысль своей жизни, тогда как она доживает, может быть, свою *последнюю мысль*, без значенья, без дела на свете, без ничего, учителя в уездной школе, имеющего в виду (очень скоро) 900 руб. ассигн^{аций} жалованья. Скажите, Алекс^{андр} Егоров^{ич}, не губит она себя другой раз после этого? Как сойтись в жизни таким разнохарактерностям, с разными взглядами на жизнь, с разными потребностями? И не оставит ли он ее впоследствии, через несколько лет, когда

ВЕРГУНОВ Николай Борисович
 (1832—1870), учитель в Кузнецке. Был дружен с *А. И. Исаевым*, давал уроки рисования его сыну *П. А. Исаеву*. *М. Д. Исаева*, которую к тому времени уже связывали с

еще она <нрзб>, не позовет ли он ее смерти! Что с ней будет в бедности, с кучей детей и приговоренною к Кузнецку? Кто знает, до чего может дойти распя, которую я неминуемо предвижу в будущности; ибо будь он хоть разыdealный юноша, но он все-таки еще не крепкий человек. А он не только не идеальный, но... Все может быть впоследствии. Что, если он оскорбит ее подлым упреком, когда поверит <?> что она рассчитывала на его молодость, что она хотела сладостраст^{<но>} заесть век, и ей, ей! чистому, прекрасному ангелу, это, может быть, придется выслушать! Что же? Неужели это не может случиться? Чthonибудь подобное да случится непременно; а Кузнецк? Подлость! Бог мой, — разрывается мое сердце. Ее счастье я люблю более моего собственного. Я говорил с ней обо всем этом, то есть всего нельзя сказать, но о десятой доле. Она слушала и была поражена. Но у женщин чувство берет верх даже над очевидностью здравого смысла. Резоны упали перед мыслию, что я на него нападаю, подыскиваюсь (бог с ней); и защищая его (что, дескать, он не может быть таким), я ни в чем не убедил ее, но оставил сомнение: она плакала и мучилась. <...> По ее же вызову я решился написать ему все, весь взгляд на вещи; ибо, прощаюсь, она совершенно обратилась опять ко мне всем сердцем. С ним я сошелся: он плакал у меня, но он только и умеет плакать! Я знал свое ложное положение; ибо начни отсоветовать, представлять им будущее, оба скажут: для себя старается, нарочно изобретает ужасы в будущем. Притом же он с ней, а я далеко. Так и случилось. Я написал письмо длинное ему и ей вместе. Я представил все, что может произойти от неравного брака. <...> Она отвечала горячо, его защищая, как будто я на него нападал. А он истинно по-кузнецки и глупо принял себе за личность и за оскорблечение — дружескую, братскую просьбу мою (ибо он сам просил у меня и дружбы и братства) подумать о том, чего он добивается, не сгубит ли он женщину для своего счастья; ибо ему 24 года, а ей 29, у него нет денег, определенного в будущности и вечный Кузнецк. Представьте себе, что он всем этим обиделся; сверх того вооружил ее против меня, прочтя наизнанку одну мою мысль и уверив

ее, что она ей оскорбительна. Мне написал ответ ругательный. Дурное сердце у него, я так думаю! Она же после первых вспышек уже хочет мириться, сама пишет мне, опять нежна... опять ласкова, тогда как я еще не успел оправдаться перед нею. Чем это кончится, не знаю, но она погубит себя, и сердце мое замирает...»

Но самое поразительное в этом письме дальше — Достоевский умолял Врангеля похлопотать о том, чтобы Вергунову дали более денежное место: «Она не должна страдать. Если уж выйдет за него, то пусть хоть бы деньги были. <...> Я еще не знаю, что можно для него сделать, я напишу об этом. Но теперь поговорите о нем Гасфорту (как о молодом человеке достойном, прекрасном, со способностями; хвалите его на чем свет стоит, что Вы знали его; что ему не худо бы дать место выше. <...> Его зовут: Николай Борисович Вергунов. Он из Томска. Это все для нее, для нее одной. Хоть бы в бедности она не была, вот что!)...»

Если бы сам писатель не рассказал впоследствии в художественной форме и очень убедительно о подобных взаимоотношениях между соперниками в романе «Униженные и оскорбленные», в это просто невозможно было бы поверить. Любовный треугольник в книге (Иван Петрович — Наташа Ихменева — Алеша Валковский) в точности повторяет-копирует жизненный любовный треугольник (Достоевский — Исаева — Вергунов). Н. А. Добролюбов, разбирая рецензируя роман «Униженные и оскорбленные» в статье «Забытые люди» (С, 1861, № 9), желчно обронил по поводу странной любви Ивана Петровича: «Что за курицы чувства!..» Многомудрый не по возрасту 25-летний критик «Современника» сомневался, что подобные чувства мог испытывать реальный человек в действительной жизни. Он не хотел верить, что автор «Униженных и оскорбленных» — не романтик, не сентименталист, а реалист чистой воды, и не знал, что Иван Петрович во многом является автопортретным и автобиографическим героем. Еще в «Белых ночах» был сделан как бы эскиз подобного сюжетного хода: герой-рассказчик добровольно становится посредником между любимой девушкой и своим более счастливым соперником. Тогда, в 1848 г., это действи-

тельно была фантазия молодого Достоевского на тему странностей любви. И вот судьба, словно подыгрывая писателю, подбросила ему похожую жизненную ситуацию, дабы в «Униженных и оскорбленных» он мог воссоздать болезненные взаимоотношения героев, руководствуясь личным мучительным опытом.

Когда, наконец, Исаева дала окончательное согласие выйти замуж за Достоевского, он вновь в письме к Врангелю (21 дек. 1856 г.) просто умолял: «...еще просьба: об ней прошу Вас на коленях. Помните, я Вам писал летом про Вергунова. Я просил Вас ходатайствовать за него у Гасфорта. Теперь он мне дороже брата родного...» И вновь заклинал «протежировать» Вергунову для получения места в Томске с окладом в 1000 рублей ассигнациями. Вскоре после свадьбы Достоевского и Исаевой в Кузнецке 5 февраля 1857 г., на которой Вергунов был «поручителем» жениха, он из Томска, где действительно некоторое время прожил, перебрался в Семипалатинск, работал учителем в приходском училище.

Л. Ф. Достоевская в мемуарной книге «Достоевский в изображении своей дочери» пишет, что Исаева ночь накануне свадьбы провела с Вергуновым и что любовная связь их в Семипалатинске впоследствии возобновилась — подтвердить или опровергнуть эти утверждения вряд ли возможно. Известно лишь, что Вергунов после отъезда Достоевских в Тверь остался в Семипалатинске, в 1863 г. перебрался в Барнаул, где женился и прожил до 1869 г., а затем вернулся вновь в Семипалатинск.

ВРАНГЕЛЬ Александр Егорович, барон (1833—1915), юрист, дипломат, археолог, автор «Воспоминаний о Ф. М. Достоевском в Сибири. 1854—1856 гг.» (1912). Подростком он зачитывался произведения-

ми Достоевского, присутствовал на инсценировке казни *петрашевцев*. Это сыграло свою роль, когда после окончания Александровского лицея в 1853 г. Врангель отказался от карьеры в столице и поехал добровольно на должность стряпчего по уголовным и гражданским делам (прокурора) именно в Семипалатинск, где после категории тянула солдатскую лямку автор «Бедных людей». Будучи уже знакомым с *М. М. Достоевским*, Врангель взялся передать от него младшему брату письмо, книги, деньги и кой-какие вещи. 21 ноября, на второй день приезда Врангеля в Семипалатинск, состоялась его первая встреча с Достоевским. Вот каким увидел впервые автора «Белых ночей» Врангель: «Он был в солдатской серой шинели, с красным стоячим воротником и красными же погонами, угрюм, с болезненно-бледным лицом, покрытым веснушками. Светло-русые волосы были коротко острижены, ростом он был выше среднего. Пристально оглядывая меня своими умными, серо-синими глазами, казалось, он старался заглянуть мне в душу, — что, мол, я за человек?...» [Д. в восп., т. 1, с. 346]. С этого дня жизнь опального писателя-петрашевца значительно стала меняться к лучшему. Ни разница в положении, ни разница в возрасте (Врангель был на 12 лет моложе Достоевского) не помешали сойтись-сдружиться барону-прокурору с солдатом-политпреступником. Врангель ввел Достоевского в семипалатинское общество, помогал ему деньгами, горячо хлопотал о присвоении ему офицерского чина и разрешении вернуться в Центральную Россию, хлопотал также по делам возлюбленной Достоевского *М. Д. Исаевой*. В то время почти ежедневно Достоевский бывал у Врангеля, обедал «янтарной стерляжкой ухой», или заходил вечерком, как вспоминал Александр Егорович, «пить чай — бесконечные стаканы — и курить мой «Бостанжогло» (тогдашняя табачная фирма) из длинного чубука». Более того, зачастую Федор Михайлович был не просто в хорошем расположении духа, а прямо-таки в веселом. Именно в этот период он задумывал, а вскоре и написал самые свои комические, самые «незлобивые» вещи — «Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково и его обитатели». Новый друг, естественно, посвящался в

творческие замыслы, становился первым слушателем еще устных вариантов. Врангель вспоминал: «Он был в заразительно веселом настроении, хохотал и рассказывал мне приключения дядюшки...» Но и этого мало. В этот период Достоевский увлекся и вовсе ему не свойственными и, если можно так выразиться, жизнерадостными занятиями: к примеру, помогал Врангелю на его даче выращивать сад-огород: «Ярко запечатлелся у меня образ Федора Михайловича, усердно помогавшего мне поливать молодую рассаду, в поте лица, сняв свою солдатскую шинель, в одном ситцевом жилете розового цвета, полинявшего от стирки <...>. Он обыкновенно был весь поглощен этим занятием и, видимо, находил в этом время препровождении большое удовольствие...» [Там же, с. 356].

А. Е. Врангель, 1858 г.

В 1856 г. Врангель уехал обратно в Петербург, и помимо прочих причин, подтолкнувших его на это, было и стремление более действенно хлопотать об амнистии Достоевского. Теперь уже Достоевский рекомендовал своего сибирского товарища петербургским друзьям. В частности, в письме к *А. Н. Майкову* от 18 января 1856 г. дается такая искренняя и максимально объективная характеристика Врангеля: «Письмо это

доставит Вам Александр Егорович барон Врангель, человек очень молодой, с прекрасными качествами души и сердца, привезший в Сибирь прямо из лицея с велико-душиной мечтой узнати край, быть полезным и т. д. Он служил в Семипалатинске; мы с ним сошлись, и я полюбил его очень. Так как я Вас буду особенно просить обратить на него внимание и познакомиться с ним, если возможно, получше, то и дам Вам два слова о его характере: чрезвычайно много доброты, никаких особых убеждений, благородство сердца, есть ум, — но сердце слабое, нежное, хотя наружность с 1-го взгляда имеет некоторый вид недоступности. Мне очень хотелось бы, чтоб Вы с ним познакомились вообще для его пользы. Круг полуаристократический или на 3/4 аристократический, баронский, в котором он вырос, мне не совсем нравится, да и ему тоже, ибо с превосходными качествами, но многое заметно из старого влияния. Имейте Вы на него свое влияние, если успеете. Он того стоит. Добра он мне сделал множество. Но я его люблю и не за одно добро, мне сделанное. В заключение: он немного мнителен, очень впечатлителен, иногда скрытен и несколько неровен в расположении духа. Говорите с ним, если сойдетесь, прямо, просто, как можно искреннее и не начинайте издевки. Извините, что я Вас так прошу о бароне. Но, повторяю Вам, я его очень люблю...»

Да и переписка между Достоевским (сохранилось 23 письма) и Врангелем (16 писем) наполнена словами взаимного уважения и добной привязанности. Недаром Врангель включил письма Достоевского к нему в книгу своих воспоминаний. А по письмам Достоевского к Врангелю, помимо всего прочего, дошла до потомков во всех подробностях история драматической любви Достоевского к М. Д. Исаевой, свидетелем зарождения которой был Врангель, история, доставившая Достоевскому столько страданий, но и счастья и закончившаяся, наконец, свадьбой. Только самому ближайшему другу мог так откровенно писать несчастный влюбленный: «Я попросил у Вас денег, как у друга, как у брата, в то время, в тех обстоятельствах, когда или петля остается или решительный поступок <...> Производство в офицеры если обрадовало меня, так именно потому, что, может быть,

удастся поскорее увидеть ее. <...> Люблю ее до безумия, более прежнего. Тоска моя о ней свела бы меня в гроб и буквально довела бы меня до самоубийства, если б я не видел ее <...> Я ни об чем более не думаю. Только бы видеть ее, только бы слышать! Я несчастный сумасшедший! Любовь в таком виде есть болезнь <...> или топиться или удовлетворять себя. <...> О, не желайте мне оставить эту женщину и эту любовь. Она была свет моей жизни...» И, опять же, Достоевский просил Врангеля не только устроить сына Исаевой в училище, но и помочь с трудоустройством своему сопернику в любви Н. Б. Вергунову.

В свою очередь, Достоевский, конечно, был в курсе всех перипетий тоже драматической любви Врангеля к Е. И. Гернеросс — этот роман друга в той или иной мере нашел отражение в «Вечном муже», романе «Бесы» и неосуществленном замысле «Весенняя любовь».

После отъезда Достоевского из Сибири, переписка между ним и Врангелем продолжалась, но уже с перерывами. В октябре 1865 г. Достоевский гостил неделю у Врангеля в Копенгагене, тот выручил писателя деньгами после очередного сокрушительного проигрыша на рулетке. Последняя их встреча произошла в 1873 г., и на этом отношения, увы, прервались. Но Врангель до конца жизни сохранил воспоминания о дружбе с Достоевским как о самом, может быть, значительном событии в своей жизни, чему служит свидетельством его книга.

сначала в Петропавловск, а затем в Семипалатинск. Здесь и познакомился с ними отбывающий солдатчину после каторги *петрашевец* Достоевский. К тому времени муж Марии Дмитриевны совершенно спился, семья жила в нищете, все мечты романтической «француженки» терпели крах. Достоевский не мог не привлечь ее внимание, а она — его: уж больно заметно оба они отличались от семипалатинского общества.

Так получилось, что до каторги Достоевскому не довелось испытать чувство любви (увлечение *A. Я. Панаевой* была и кратким, и безответным, и «книжным»), так что свой запоздалый первый сибирский роман он переживал, как гимназист-школьник — пылко, восторженно, то впадая в отчаяние и клонясь к самоубийству, то возносясь на облака от жарких надежд. Все перипетии этого романа можно легко представить по письмам, которые влюбленный Достоевский писал в тот период своему другу *A. E. Врангелью*. По воспоминаниям друга, Мария Дмитриевна Исаева была «довольно красивая блондинка среднего роста, очень худощавая, натура страстная и экзальтированная». Уже тогда зловещий румянец играл на ее бледном лице, и несколько лет спустя чахотка унесла ее в могилу. Она была начитанна, довольно образованна, любознательна, добра и необыкновенно жива и впечатлительна...» [Д. в восп., т. 1, с. 354—355] О том, какой видел ее Достоевский, говорят хотя бы строки из его письма Врангелью от 14 июля 1856 г.: «Если б Вы знали, что это за ангел, друг мой! Вы никогда ее не знали; что-то каждую минуту вновь оригинальное, здравомыслящее, остроумное, но и парадоксальное, бесконечно доброе, истинно благородное — у ней сердце рыцарское: сгубит она себя. Не знает она себя, а я ее знаю!...»

ДОСТОЕВСКАЯ (урожд. Констант, в первом браке Исаева) **Мария Дмитриевна** 1824—1864), первая жена (с 1857 г.) писателя. Дед ее был французом. Она получила хорошее образование в частном пансионе. Однажды семья ее жила в Астрахани (отец, С. Констант, работал там директором архитектурного дома), она вышла замуж за чиновника особых поручений начальника страханского таможенного округа *И. Исаева*. В 1847 г. у них родился сын *авел*, а вскоре, в 1851 г., Исаева переводят в место чиновника особых поручений при начальнике Сибирского таможенного округа

В мае 1855 г. мужа Исаевой перевели в Кузнецк (500 верст от Семипалатинска!), и,казалось, влюбленные разлучены навсегда, но в августе того же года Исаев умер. Достоевский немедленно сделал предложение вдове, оставшейся с малолетним сыном совсем без средств, и начал усиленно хлопотать о производстве в офицеры (без этого брак ему не разрешат). Между тем он узнает, что у Марии Дмитриевны в Кузнецке появился новый «жених» — учитель

Н. Б. Вергунов. Достоевский, рискуя всем и вся, тайком помчался в Кузнецк, познакомился со своим соперником (тот плакал у него на плече) и решил для счастья любимой женщины уступить без борьбы и даже начал хлопотать за Вергунова, дабы Мария Дмитриевна, выйдя за него, не бедствовала.

М. Д. Исаева, первая жена писателя.
Конец 1850-х годов

(Еще в «Белых ночах» был сделан как бы эскиз подобного сюжетного хода: герой-рассказчик добровольно становится посредником между любимой девушкой и своим более счастливым соперником. Тогда, в 1848 г., это действительно была фантазия молодого Достоевского на тему странностей любви. И вот судьба, словно подыгрывая писателю, подбросила ему похожую жизненную ситуацию, дабы позже в «Униженных и оскорбленных», а затем и в «Идиоте» он мог воссоздать болезненные взаимоотношения героев, руководствуясь личным мучительным опытом.) Но неожиданно для Достоевского сердце любимой женщины вновь обращается к нему, а после производства его в прaporщики (октябрь 1856 г.) Исаева дала наконец полное и окончатель-

ное согласие выйти за него замуж. Венчание состоялось 6 февраля 1857 г. в Кузнецке. На обратном пути в Семипалатинск с Достоевским случился припадок эпилепсии, угнетающее подействовавший на новобрачную.

В Семипалатинске Достоевские снимали домик из четырех комнат, быв ссыльного писателя более-менее наладился, он начал усиленно работать, готовиться к возвращению в Россию. Вскоре им разрешили поселиться в Твери, а затем и в Петербурге. Чахотка, которой уже несколько лет страдала Мария Дмитриевна, усилилась. Достоевский вначале перевез ее во Владимир, а позже в Москву, сам поселился вместе с ней. Она умерла 15 апреля 1864 г. Над еще не остывшим телом Достоевский записывает в рабочей тетради размышления («Маша лежит на столе. Увижу ли с Машей?...») о жизни и смерти, смерти и бессмертии, одиночестве человека...

В литературе о Достоевском доминирует мнение, что брак этот не был счастливым. Действительно, Мария Дмитриевна мало интересовалась главным, что было в жизни Достоевского, — его творчеством; конечно, страдал он, что не было у них детей; да, в его судьбе появилась *А. П. Суслова...* Однако же сам Достоевский через год после смерти жены (апрель 1865 г.) писал тому же Брангелю: «О, друг мой, она любила меня беспредельно, я любил ее тоже без меры, но мы не жили с ней счастливо. <...> несмотря на то, что мы были с ней положительно несчастны вместе (по еециальному, мнимому и болезненно фантастическому характеру), — мы не могли перестать любить друг друга; даже чем несчастнее были, тем более привязывались друг к другу. Как ни странно это, а это было так. Это была самая честнейшая, самая благороднейшая и великодушнейшая женщина из всех, которых я знал во всю жизнь. Когда она умерла — я хоть мучился, видя (весь год) как она умирает, хоть и ценил и мучительно чувствовал, что я хороню с нею, — но никак не мог вообразить, до какой степени стало больно и пусто в моей жизни, когда ее засыпали землею. И вот уж год, а чувство все то же, не уменьшается...»

Штрихи внешности, характера и судьбы Марии Дмитриевны отразились, в какой-то мере, в образах *Наташи Ихменевой* («Уни-

женные и оскорбленные»), Катерины Ивановны Мармеладовой («Преступление и наказание») и Катерины Ивановны Верховцевой («Братья Карамазовы»).

ТЮМЕНЦЕВ Евгений Исаакович
(1828—1893), священник Одигитриевской церкви в Кузнецке, венчавший 6 февраля 1857 г. Достоевского и *M. D. Isaevу* и присутствующий на их свадьбе. В 1884 г. он по просьбе преподавателя Томской семинарии А. Голубова (к которому, в свою очередь, обратилась *A. Г. Достоевская*) описал в письме к нему подробности этого венчания.